

Е.А. Головачева

*Национальный исследовательский
Томский политехнический университет*

**Интертекстуальные связи романов
«Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского
и «Американская трагедия» Т. Драйзера:
анализ отдельных стадий развития истории главных героев**

В фокусе внимания данного исследования – рассмотрение особенностей интертекстуальных связей романов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и Т. Драйзера «Американская трагедия» на основе анализа воспроизведения концептов «преступление» и «наказание» в ключевых текстовых фрагментах. В результате сделан вывод о межтекстовом взаимодействии романов, а также уточнены научные представления о поэтике указанных произведений.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; Т. Драйзер; художественный концепт; интертекстуальность; уровни поэтики; сюжет.

«Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и «Американская трагедия» Т. Драйзера являются ядерными произведениями русской и американской культур, ключевыми образцами реалистических романов XIX и XX вв. соответственно [5; 6 и др.], представляющими многолетний итог размышления авторов над острыми социальными проблемами, в том числе категориями «преступление» и «наказание» [5; 2; 7].

Изучение особенностей истории создания, проблематики, композиции, а также словесной ткани романов указывает на смыслообразующее значение в них концептов «преступление» и «наказание». В настоящем исследовании на основе сравнительно-сопоставительного анализа ключевых фрагментов «Преступления и наказания» и «Американской трагедии», представляющих этапы развития истории Родиона Раскольникова (стадии «казуистика», «арифметика») и Клайда Гриффитса (стадии «дьявольский замысел», «бесстрастная философия»), рассматриваются способы объективации сюжетообразующих концептов, выявляются черты межтекстового взаимодействия данных произведений.

В обоих романах писатели уделяют значительное внимание размышлениям героев над преступлениями, мельчайшим нюансам их психологического состояния. В экспозиции «Преступления и наказания» представлено подробное описание внутренних терзаний, которые испытывает Родион Раскольников перед убийством, изображено его постоянное возвращение к мысли о возможной реализации своей идеи, призванной доказать его философскую теорию «права имущего» и предполагающей убийство одной «зловредной старушонки» [2, с. 110–111]. В конце

второй книги «Американской трагедии» также детально изображено состояние Клайда Гриффитса, обдумывающего варианты освобождения от своей забеременевшей подруги (Роберты Олден), которая становится препятствием на пути его возможного дальнейшего попадания в круги высшего американского общества. Оба героя, предпринимая попытки мысленно избавиться от преступных замыслов, находятся в состоянии самообмана, испытывают признаки когнитивных искажений и оказываются не в состоянии преодолеть внутренние конфликты.

В «Преступлении и наказании» на стадиях «арифметика» и «казуистика» [2, с. 109–114] концентрируется целый ряд выражений, указывающих на подверженность Родиона Раскольникова всерьез воспринимать различные знаки, случайности и стечения обстоятельств: *«чар, колдовства, обаяния, наваждения», «совпадение», «Но почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговор и такие мысли, когда в собственной голове его только что зародились... такие же точно мысли?»*, *«ничтожный, трактирный разговор», «какое-то предопределение, указание», «как будто кто его принуждал и тянул к тому», «подействовал на него совсем механически: как будто кто-то его взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественной силой, без возражений», «попал клочком одеждой в колесо машины, и его начало в нее втягивать»* [3, с. 50–55]. Авторское слово подчеркивает потерю героем связей с реальностью и его одержимость преступной идеей (признак «самообман» концепта «преступление»). Внешние каузаторы ускоряют процессы духовной болезни, вытеснения сердечных инстинктов, потери нравственных ориентиров и при болезненной восприимчивости Раскольникова подталкивают его к роковому решению.

В «Американской трагедии» на стадиях «дьявольский замысел» и «бесстрастная философия» также отмечается наслоение выражений, свидетельствующих о сильном воздействии внешних факторов, третьих сил (высшие силы, дьявольский шепот, случайность и т. д.) на ход рассуждений Клайда Гриффитса: *«he was struck by the thought»* («внезапно возникла мысль»); *«devil's whisper»* («дьявольский шепот»); *«evil hint of an evil spirit»* («коварное внушение злого духа»); *«This terrible item – this devil's accident or machination that was constantly putting it before him!»* («Эта ужасная статья – дьявольская случайность или происки, которые постоянно возникали перед ним!»); *«though from the depths of some lower or higher world»* («из глубин какого-то низшего или высшего мира»); *«as the genie at the accidental rubbing of Aladdin's lamp – as the efrit emerging as smoke from the mystic jar in the net of the fisherman»* («как джинн, случайно появившийся от прикосновения к лампе Аладдина, как и(э)фрит, возни-

кающий в виде дыма из таинственного кувшина, попавшего в сети рыбака»); «*diabolic wish*» («дьявольский замысел») [8, р. 476–504]. Склонность к искушениям и иллюзиям укрепляют героя в мысли о необходимости совершить задуманное: «*This item that you have read – do you think it was placed in your hands for nothing?*» («Эта статья, которую ты прочитал, – ты думаешь, что она попала в твои руки просто так?»); «*Behold! I bring you a way*» («Слушай! Я укажу тебе путь»); «*the dark personality would as suddenly and swiftly return and with amplified suavity and subtlety*» («таинственный некто возвращался так же внезапно и стремительно, с еще большей вкрадчивостью и хитростью») <...> «*But you must choose – choose! And then act. You must! You must! You must!*» («Ты должен выбрать – сделать выбор! И потом – действовать. Ты должен! Ты должен! Ты должен!») [8, pp. 476–504]. Авторское слово маркирует неспособность Гриффитса сопротивляться своим греховным и бесчеловечным желаниям: «*What was «getting into» him?*» («Что «закралось ему» в душу?») [8, р. 498]; «*For now the genii of his darkest and weakest side was speaking*» («Ибо сейчас заговорил гений его самой худшей и слабейшей стороны») [8, р. 501]. Примечательно, что в момент трагедии на озере Клайд также будет находиться под их безраздельным влиянием и испытывать то же ощущение какого-то наваждения, присутствия сторонних сил, совершающих как будто бы **за него** смертельный для Роберты удар фотоаппаратом: «*he had not killed her, yet something had done it for him*» («он не убивал ее, а что-то сделало это за него») [8, р. 573].

Таким образом, при сопоставительном анализе словесной ткани указанных фрагментов романов обнаруживаются общие модели вербализации признака «бесовская / дьявольская природа преступления» концепта «преступление». За счет его актуализации подчеркивается крайняя восприимчивость главных героев к различным внешним знакам и случайным обстоятельствам, под влиянием которых обостряются негативные черты характеров героев: мономания, богоотступничество, склонность к самообману (Раскольников и Гриффитс), податливость страстям, подверженность иллюзиям, безволие (Гриффитс). Давление обстоятельств (бедность; невыносимое для героя положение сестры, которая готова жертвовать собой ради благополучия близких; чуткое восприятие трагедий, происходящих вокруг («Преступление и наказание») / угрозы со стороны Роберты; давление со стороны общества, навязывающего ложные ценности («Американская трагедия»)), а также неспособность героев адекватно воспринимать реальность и преодолевать внутренние противоречия, приводят обоих к трагическому решению – присвоить себе божественное право решать вопрос жизни или смерти другого человека.

В обоих произведениях признак «самообман» концепта «преступление» подчеркнут особым образом – через косвенные знаки. В «Преступлении и наказании» доводы, передающие суть патологических идей Раскольникова, озвучены студентом и офицером: «Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика!»; «крошечное преступленье тысячами добрых дел»; «одна смерть и сто жизней взамен» [3, с. 54]. В «Американской трагедии» – через потусторонние голоса: «*Was it not even as the voice said – a possible and plausible way – all his desires and dreams to be made real by this one evil thing?*» («Ведь не было так, как говорил тот голос, это единственно разумный и доступный выход – совершить одно лишь злое дело – и тогда исполнятся все его желания и мечты») [8, р. 504]. Эти «символы» не только воспринимаются Родионом и Клайдом в качестве существенных доказательств правомерности задуманного, но и служат триггерами к их последующим шагам, ведущим к трагедии. Используемые в романах приемы позволяют авторам изобразить утрату молодыми людьми нравственных ориентиров, их патологическую восприимчивость к обманчивым идеям, чрезмерную склонность к мономании.

При сопоставительном анализе внутренних монологов Раскольникова и Гриффитса на стадиях «арифметика» («Преступление и наказание») и «бесстрастная философия» («Американская трагедия»), предшествующих преступлениям, наблюдается наложение риторических вопросов, актуализирующих признак «самообман»: «*Но почему именно теперь...*», «*И почему именно сейчас...*» [3, с. 55] / «*What is wrong with it? Where is the flaw?*» («Чем плохо придумано? Где тут уязвимое место?») [8, р. 503]; «*Why not?*» («Почему бы и нет?») [8, р. 504]. Словесное оформление этих фраз подчеркивает существенную разницу героев: Раскольников мучительно пытается сопротивляться своим преступным мыслям (выражения «но почему», «и почему»); Гриффитс, напротив, теряя всяческие нравственные ориентиры, пытается убедить себя в целесообразности задуманного.

Примечательно, что в романе «Американская трагедия» признак «самообман» актуализируется на последующих стадиях развития истории Клайда – проявляется во внутренних монологах, диалогах с матерью, преподающим Мак-Милланом, адвокатом и т. д.: «*... was almost one of complete mental derangement, mainly caused by fear and confusion in his own mind as to whether he did or did not bring about her untimely end*» («*... у него было почти полное психическое расстройство, вызванное главным образом страхом и замешательством в его собственном сознании относительно того, стал ли он причиной ее безвременной кончины или нет*») [8, р. 570–571]; «*I didn't kill her. And I didn't go up there with her with any intention of killing her, either. I didn't. I didn't, I tell you!*» («Я не убивал ее. И я пошел туда

с ней не с намерением убить ее. Я не делал. Я не делал этого, говорю вам!) [8, p. 609–610]; «*I didn't kill her, and that's the God's truth*» («Я не убивал ее, и это истинная правда») [8, p. 629]. Его интенсификация происходит за счет текстуального пересечения с негативным признаком «страх» («страх наказания», «страх разоблачения», «страх возвращения к прежней жизни»): «*coincident panic*» («в паническом страхе») [8, p. 500]; «*his more cowering sense*» («устрашающее сознание»); «*what society would think and do, if it knew*» («что подумают в обществе и как поступят, когда узнают») [8, p. 506]; «*God! How terrible!*» («Боже! Как страшно!») [8, p. 528], «*caused by fear and confusion in his own mind*» («вызванный страхом и смятением в его собственном сознании») [8, p. 570], «*Clyde was now compelled to suffer the most frightful fears and dreads*» («Клайд непрерывно терзался мучительнейшими страхами и опасениями») [8, p. 577]; «*his nerves remained tense and his mood apprehensive*» («нервы его по-прежнему натянуты, а настроение тревожно») [8, p. 578]. Динамика авторских признаков позволяет Драйзеру создать образ американского юноши, который слаб, труслив по своей природе, духовно опустошен, не способен противостоять искушениям общества и не готов к самоосуждению. Таким образом, на уровне слова Драйзер на примере истории своего героя подчеркивает характерные черты американского социума, зараженного иллюзиями и идеологией себялюбия, члены которого в погоне за своими зачастую безнравственными и корыстными мечтами и легким счастьем готовы совершать самые низкие поступки.

В «Преступлении и наказании» признак «самообман» актуализируется в первой и второй частях романа, а в последующих замещается целым рядом иных авторских признаков: «рационализм», «ошибка», «самонаказание», «вина», «смирение» [1]. В моменты преступления и сближения с системой правосудия Раскольников испытывает страх («страх охватывал его всё больше и больше» [3, с. 65]; «дрожит от страха перед ненавистным Порфирием Петровичем» [3, с. 254), который перерастает постепенно в чувство ненависти к следователю, а затем злости на самого себя. Такая филигранная работа со словом, проявляющаяся в динамике признаков концептов «преступление» и «наказание», позволяет Достоевскому подчеркнуть важность внутреннего самонаказания, прохождения преступившего через страдания как необходимых атрибутов к искуплению вины и возможного возрождения [1].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии интертекстуальных связей романов «Преступление и наказание» и «Американская трагедия», проявленных на разных уровнях поэтики, а также конденсации в произведении Драйзера памяти прецедентного текста (об этом свидетельствуют способы объективации концептов

«преступление» и «наказание» на других стадиях развития сюжета, не представленных в данном исследовании). В обоих произведениях пристальное внимание авторов сосредоточено на психологических портретах героев, их душевных переживаниях, которые прослеживаются в многочисленных внутренних монологах. Параллелизм признаков «бесовская / дьявольская природа преступления» и «самообман» свидетельствует о наличии тесного межтекстового взаимодействия исследуемых произведений, однако, разная степень их проявленности и взаимодействия со специфическими для каждого романа авторскими признаками позволяет сформировать различные смысловые доминанты, создать уникальный художественный мир и неповторимые образы главных героев.

Обращение к творческим методам и приемам Достоевского позволило Драйзеру раскрыть глубину трагедии Клайда Гриффитса и, пожалуй, впервые в американской литературе столь выпукло и реалистично осветить целый пласт животрепещущих проблем современности. С опорой на «Преступление и наказание» [4, с. 190–192] Драйзер подводит читателей все к той же актуальной проблеме преступления и наказания, но при этом смещает угол зрения на особенностях американского национального кода и культурно-исторического контекста, и, продолжая традиции романа воспитания и романа карьеры в прозе США [4, с. 36–41], создает в своем произведении «подлинную панораму американской жизни» [4, с. 174], обличая и критикуя «американскую мечту» и порочные идеалы общества.

Литература

1. Головачева, Е.А. Православные особенности сюжетобrazующего концептуального поля романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / Е.А. Головачева, О.В. Седельникова // Евангельский текст в русской словесности: Сборник тезисов докладов X Всероссийской научной конференции (с международным участием), Петрозаводск, 21–24 сентября 2020 года / Отв. редактор И.С. Андрианова. – Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 2020. – С. 203–205.
2. Головачева, Е.А. Рецепция романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в немецкой словесной культуре: дисс. ... канд. филол. наук: 5.9.1. – Томск, 2022. – 329 с.
3. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.]. Т 6. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1973. – 423 с.
4. Засурский, Я.Н. Теодор Драйзер. – Москва : Изд-во Московского университета, 1977. – 320 с.

5. Мендельсон, М.О. «Американская трагедия» Теодора Драйзера. – Москва : Художественная литература, 1971. – 103 с.
6. Тихомиров, Б.Н. «Преступление и наказание» // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. – Санкт-Петербург : Изд-во «Пушкинский Дом», 2008. – 470 с.
7. Шпакова, А.П. Американская действительность в изображении Теодора Драйзера: (Роман «Американская трагедия»). – Москва : [б. и.], 1959. – 51 с.
8. Dreiser, Th. An American Tragedy. – New York : The modern library: Random house inc., 1925. – 860 p.

В.Е. Миронова

*Национальный исследовательский
Томский политехнический университет*

**Детективный рассказ «The Adventure of the Speckled Band»
Артура Конан Дойла в переводе В.А. Восходова**

Автор статьи анализирует специфику перевода детективного рассказа «*The adventure of the Speckled Band*» А.К. Дойла, выполненного В.А. Восходовым. Выявляются основные переводческие стратегии и тенденции первой половины XX века, нашедшие отражение в работе переводчика-большевика, В.А. Восходова. В статье представлены основные стилистические трансформации образов главных героев, их «одомашнивание» и упрощение.

Ключевые слова: перевод; детективный рассказ; переводческие стратегии; стилистическая трансформация; «одомашнивание»; смена стилистического регистра.

Детективное творчество сэра Артура Конан Дойла представляет собой уникальный феномен мировой литературы и занимает особую нишу в художественном мире интеллектуальных загадок, увлекательных расследований таинственных преступлений и неординарных сыщиков. Рассказы о Шерлоке Холмсе, как известно, завоевали глобальную любовь читателей не только на родине, но и других странах. Русский читатель представляет собой одного из наиболее преданных и заинтересованных любителей занимательных рассказов о приключениях Шерлока Холмса и его напарника Джона Ватсона. Прежде всего, такой повышенный интерес обусловлен появлением многочисленных переводов рассказов, выполненных различными переводчиками. Первые переводы рассказов появились еще в конце XIX века, определив один из векторов художественных предпочтений русской читательской аудитории. Примечательно, что с этого периода, несмотря на социально-политические потрясения и напряженную